

Т. З. Осипова-Сурнина

Эхо Колымы

Санкт-Петербург
2014

Осипова-Сурнина Т. З.

Эхо Колымы. — СПб., 2014. — 102 с., ил.

Для многих Колыма стала олицетворением смерти и печали, горя и страданий, местом, где в лагерях были искалечены сотни тысяч человеческих судеб.

Прочитав настоящую книгу, вы узнаете о том, какую тайну хранит Колыма, о трагедии людей в годы репрессий.

*Фотографии для настоящего издания
предоставлены автором*

*За нами придут корабли
и встанут, цепями гремя,
у причала...*

Край суровый, Колыма...
Сколько судеб ты сгубила,
Приняла в свои горнила,
От слёз свела с ума...
И дрожит твоя земля,
Ветер носит чьи-то стоны,
Да не властвуют законы
И хрипит от мук петля.
На костях растёт трава,
Сок берёзовый солёный...
Зэк коленопреклонённый,
Да безмолвствует Москва...
Так никто и не сказал:
«Люди добрые, простите,
Грех безумный отпустите!»
Так никто и не сказал...
Так и носят подлецы
В своём сердце страх великий,
Нрав кровавый свой и дикий,
Престарелые лжецы!
Так и не было суда
Над могильщиками века.
За убийства человека
Так и не было суда!
Край суровый Колыма
Для народа стал могилой,
А страна — навек бескрылой.
Ненавистная тюрьма!
Нет закона до сих пор,
Ни рубля, ни покаянья...
За безумные страданья
Всех расстрелянных в упор!
Никому и дела нет
До поруганных изгоев.
Но не будет вам покоя,
Если жизнь чего-то стоит,
Если злу прощенья нет!

Эхо Колымы

Первоначальной родиной якутов в XVII–XX вв. была область истоков Лены. И с появлением русских в Якутии основная масса якутов заселяла побережье реки Вилюй; селения назывались Ленско-Вилюйское и Ленско-Амчинское.

По преданию, в 1883 г. в этот богатый край, где проживало много ламутов, пришли два брата-якута. Возник конфликт, в результате которого ламуты убили младшего брата. Тогда старший обещал вернуться обратно. И вернулся с вооруженными войсками, состоявшими из русских и якутов. Произошел бой, в ходе которого погибло много ламутов.

Существует и другая версия: первоначальными поселенцами являлись монголы, объехученные еще на юге — в районе Прибайкалья. Вследствие этого слово «улус» в якутском языке существовало еще до прихода русских — оно широко употреблялось в тюрко-монгольских языках с древних времен.

Главным занятием якутов было разведение рогатого скота и лошадей. Большую роль играли также звероловство и рыболовство. Отдельные семьи владели несколькими сотнями голов скота, но основная масса населения имела по десяти и меньше голов. Также важное значение имела для якутов охота на пушного зверя — соболя, лисицу, зайца. Пушнина шла для изготовления одежды, а также на обмен. Бедняки, у которых не было лошадей, не имели возможности охотиться и занимались преимущественно рыбной ловлей. Была даже поговорка: «Я не худой человек — я рыболов». Лодки делались из моржовых шкур и дерева.

Якутская юрта была удобным жильем в условиях Севера. В старые времена сооружались жилища из земли, из снега, из дерева. Жилые помещения строили дверями на восток — для того, чтобы не заблудиться, чтобы знать, где у тебя остался дом, по какую руку (так объясняли колымские якуты). Для якутского населения Колымы основным жилищем являлась юрта «балабан» (обычно с сенями) — юрта использовалась как зимнее жилье. Летом в окна вставляли пузыри налима, а зимой — льдины; также для этого использовались кожа налима и бычьи пузыри. Зимой же юрту утепляли, вымазывая коровьим навозом и осыпая землей. Кроме этого, ее оштукатуривали мокрым снегом — для тепла. В 1880 г. юрта строилась из наклонных балок; печь посередине, большие окна. А вот в 1941 г. летними жилищами служили 4–6-угольные стены из бревен. Верхняя часть этих строений была плоской или угловой, в ней было отверстие для выхода дыма.

Что касается одежды колымских якутов, то они одевались так же, как и якуты в других местностях. Якутская одежда делилась на связанную с верованием, дорожную и промысловую. Первый вид одежды носили при встрече Солнца, на проводах «Айысыт», при посещении шамана и различных обрядах.

В 1810–1811 гг. было проведено массовое крещение колымских якутов, в результате чего отношение к нарядной одежде изменилось. При крещении церковь строго запрещала православным якутам носить сангях с рисунком орла, шубу, покрывало для лица с рисунком, шапку с рожками, поскольку упомянутая одежда была связана с языческой верой. Несмотря на запрет, православные якуты носили свою национальную нарядную одежду на свадьбах. Кроме того, одежда, на которой был вышит орел с раскры-

тыми крыльями, являлась оберегом — ее надевали в качестве защиты от злых сил.

До крещения у местных якутов самой лучшей одеждой считалась женская шуба, расшитая узорами. Она называлась кэдьинэ таналай. Эта шуба была длинной, меховой снаружи и внутри, с разными узорами и украшениями. Спинка и обе полы ее были полосатыми. Таналай в древности являлся обязательной одеждой замужней женщины. В 60-х гг. XVIII в. молодая жена первые три года после свадьбы не должна была показываться свекру вообще, а по прошествии трех лет — только в таналае.

Старейшим и наиболее известным костюмом на Колыме был сангях. Древние сангяхи якуты делали преимущественно из тарбагана (это доха мехом наружу).

На свадьбах жених надевал шапку дьабака из сиводушки, сангях из тарбагана, сутуруо из волчьей шкуры, тарбоса из белого камуса дикого оленя. Невеста же надевала шапку из горностая, опушенную росомхой, и жеребьячий сангях с рисунком, нижняя часть которого опушена мехом (бууктаах), а по бокам были украшения из меди, серебра и бисера. Отец невесты носил сангях из волчьей шкуры и шапку из сиводушки, мать — тарбаганий сангях и также шапку из сиводушки. Невестка в доме родителей мужа носила покрывало для лица аннах, служившее оберегом от сглаза посторонними лицами мужского пола и от взгляда хищной птицы и плохого животного.

В 1960 г. в Среднеколымском улусе краеведческого музея появилась шуба с изображением крыльев на спине. Эта шуба называется хотойдох сон, она сшита из пыжика (это шкура олененка) и имеет трапециевидную форму. Рисунок на спине похож

на раскрытые крылья. Шуба оторочена двумя рядами каймы, при этом верхний ряд сшит из очень мелких лоскутов светлого и темного меха в стиле древнего орнамента таналом — продольными параллельными рядами. Нижняя кайма составлена из темного меха. Воротник сшит из цельного хвоста красной лисицы, манжеты рукавов — из ровдуги. По линии талии на спине имеется складка тарды-ылаах. Подобные старинные предметы одежды называют хотойдох сон. (Шуба, описанная выше, принадлежала А. А. Лаптевой — местной жительнице, до советской власти вышедшей замуж за Николая Лаптева из Байдунского наслега.) Почетный старец, мальчики, девочки и кутурукут шамана, принимавший участие в ритуале ысыаха, надевали женские сангьяхи и шапки, сшитые из шкуры белого жеребенка. На одежде шамана айыы не было железных предметов. Шапку его шили из кожи, сняв шкуру головы пестрого или белого жеребенка с ушами и гривой. Сбоку такая шапка была похожа на жеребьячью голову.

В частности, во II Мятюжском наслеге проводили ысыахи (торжества), посвященные лошади; по правилам добрых божеств, одевались всегда в жеребьячи сангьяхи с узорами таналай. Шаманы в Колымском улусе совершали свои мистерии в женском сангьяхе.

Весной, когда начиналось таяние снегов, люди собирались на мирской сход для решения житейских вопросов. Староста был одет в богатую песцовую шубу, крытую плисом. На голове его была дорогая бобровая шапка с верхом из лап черно-бурой лисицы, подпоясан же он был серебряным узорчатым поясом. Прибывший на собрание богатый «родовит» был одет так же, как и староста.

Помощь экспедициям

Колымские якуты оказывали различную помощь многим известным экспедициям, организованным Российской академией наук и другими для исследования Арктики и Северного морского пути. Члены экспедиций проезжали по Колымскому улусу, а некоторые из них вели здесь исследовательскую работу. Среди них — участники экспедиций: 2-й Камчатской, И.И. Биллингса — Г.А. Сарычева, Ф.П. Врангеля, Г.Л. Манделла, И.Д. Черского, И.М. Сибирякова, И.П. Толмачёва и Г.Я. Седова. Якуты помогали и научным экспедициям, работавшим наиболее далеко, и региональным экспедициям.

К сожалению, история не сохранила имен многих якутов, самоотверженно помогавших всем указанным экспедициям. Якуты были отличными проводниками исследователей, выдавали им продукты, разные материальные ценности и лошадей. Здесь мы остановимся только на некоторых примерах. Помощь экспедициям хоть и немного, но всё же облегчала жизнь якутов, так как их труд оплачивался. Включение в атлас рек, озер и зимовий края, а также факт принятия якутами при крещении фамилии участника 2-й Камчатской экспедиции Д.Я. Лаптева свидетельствуют о тесном контакте их с членами данной экспедиции. Поездка исследователей по зимовьям могла осуществиться лишь с помощью якутов.

В 1785 г. указом Екатерины II на изучение северо-восточной части Сибири была направлена секретная морская экспедиция в составе 141 человека под руководством англичанина И.И. Биллингса. Помощником его служил Г.А. Сарычев. Зимой 1786–1787 гг.

в Верхнеколымске члены экспедиции строили суда «Паллас» и «Ясашна» — для плавания в Тихий океан. 25 мая 1787 г. суда снялись с якоря и поплыли вниз по Колыме. 24 июня они вышли в открытое море, но 26 июня из-за тяжелых льдов вернулись обратно в Колыму. 5 августа суда были разоружены в Нижнеколымске. Далее — через два колымских острога и Алазейское зимовье — они держали путь на Якутск. Для помощи экспедиции активно было привлечено местное население. Можно себе представить, сколько нужно было продуктов питания и лошадей для сухопутного переезда многолюдного состава экспедиции! В результате верхнеколымские якуты, около которых зимовала экспедиция, остались практически без скота.

В 1808 г. иркутский губернатор по заданию правительства России организовал специальную экспедицию для изучения Новосибирских островов. Основной базой экспедиций был Усть-Янск. Данной экспедиции (начальник — М.М. Геденштром) требовалось огромное количество транспорта и продовольствия. В 1810 г. колымские волости отправили для экспедиции 4 пуда якутского масла стоимостью 20 руб. В 1812 г. к частному комиссару поступило 762 руб. 20 коп. на удовлетворение жителей Среднеколымской части за выданные для экспедиции нарты в 1809 и 1811 гг. Местные волости приняли в этом активное участие. Так, о помощи якутов Борогонской волости экспедиции свидетельствует тот факт, что в декабре 1823 г. староста волости рапортовал об отсутствии долга М. М. Геденштрому.

В 1820 г. Государь Император направил экспедицию по «описи Северных берегов Сибири». Эта была экспедиция Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу, работавшая на севере в 1820–1824 гг. Начальником Колымско-

го отряда был назначен Врангель, а Устьянского — Анжу. Колымский отряд должен был обследовать северные земли от устья р. Колымы к востоку. В данной экспедиции якуты работали проводниками, обеспечивали исследователей большим количеством лошадей и продуктами в зимние морозы и комариное лето. Не получив в первое время ожидаемой помощи от комиссара округа, Ф. П. Врангель обратился из Нижней Колымы напрямую к якутам около Среднеколымска и жителям Среднеколымска и Верхнеколымска. Он взял у них значительное количество рыбы и велел перевести оную в Н(ижне) К(олымск).

Было время, когда «юколы и юхолы привозили из Средне- и Верхнеколымска на расстоянии 800 верст». Описание берегов моря была произведена на лошадях якутов Колымского улуса. Ф. П. Врангель об этом писал: «Странным покажется, что мы решились описать берегов Ледовитого моря производить на лошадях, но олени, хотя самые обыкновенные домашние животные тунгусов, так слабы, что летом не могут выдерживать больших перевозов... С другой стороны, мели, на многие вёрсты... препятствуют описывать на лодке... Таким образом, ближайшее соображение местных обстоятельств заставило нас предпринять путешествие на лошадях, которых, а равно и проводников, подрядились нам доставить среднеколымские якуты». В путешествии заместителя начальника экспедиции, мичмана Ф. Ф. Матюшкина, по тундре 1822 г. к востоку от Колымы из шести человек каравана было три якута. Экспедиция продвигалась на 16 верховных и вьючных лошадях.

В 1822 г. нижнеколымские якуты выделили экспедиции Ф. П. Врангеля 46 собак. В последний год работы (1823 г.) экспедиция активно выдавала населению деньги за оказанную помощь. Так, 16 февраля

начальник экспедиции отправил деньги улусному голове Колесову за обслуживание проездов экспедиционных чиновников. 24 июля доктор Кибер и мичман Матюшкин, выехавшие в Верхнеколымск, просили Врангеля выслать деньги за неоплаченные прогоны (112 руб. 50 коп.) и за убитую на мясо корову (80 руб.) 29 июля Врангель отправил 1246 руб. 15 коп. исправнику «на удовлетворение разных людей за получением от них в экспедицию припасов. Исправник решил посоветоваться с улусным головой о том, кому и сколько денег следует выдавать. Отсюда видно, что указанная большая сумма денег предназначалась якутам Колымского улуса за выданные экспедиции продукты. 20 октября от Врангеля поступило для среднеколымских якутов 278 руб. 25 коп. В декабре улусный голова Колесов рапортовал, что его «родник», бывший голова И. Тырылгин за перевозку экспедиционной рыбы «прогонами удовлетворен». 23 ноября, перед отъездом экспедиции из Колымы, Ф. П. Врангель объявил благодарность колымскому исправнику «за оказанные для экспедиции великие пользы и деятельности». Эти немногочисленные примеры говорят о большой и постоянной помощи якутов упомянутой экспедиции.

Начальник экспедиции Ф. П. Врангель высоко оценил умение проводников-якутов. «Должность проводников претрудная: она требует особой сноровки и умения, потому что в гористых местах лошади часто сбрасывают с себя ношу и отвязываются, а в болотах вязнут.

...От долговременного навыка проводники якуты приобретают проворство и сметливость в столь высокой степени, что одного опытного из них достаточно бывает для управления вьючным караваном в 20 лошадей и содержания его в совершенном порядке, не-

смотря на то, что в таком случае он принужден бывает идти большей частью пешком...». Колымские якуты были проводниками и Устьянского отряда экспедиции. Так, 21 февраля 1823 г. поступило 120 руб. для якутов Колымы за перевозку в 1822 г. начальника экспедиции П. Ф. Анжу.

Чукотская экспедиция, руководимая бароном Г. Л. Майделем, в 1868–1870 гг. изучала северо-восток Сибири и налаживала отношения между чукчами и местной администрацией. Ее организовал Сибирский отдел Русского географического общества. Г. Л. Майдель «выделялся широким кругозором, интересовался ботаникой, зоологией, геологией, географией и этнографией». Книга барона «Путешествия по северо-восточной части Якутской области в 1868–70 годах» издана в России в 1894 г. Экспедиция Г. Л. Майделя, до этого служившего исправником Колымского округа, доехала до названного округа в конце 1868 г. Голова улуса, живший недалеко от станции Бержигестях, 25 декабря пригласил начальника экспедиции в свою юрту, тем самым дав ему возможность поближе разузнать положение в улусе. Голова улуса обеспечил от Бержигестяха до Среднеколымска благополучный путь экспедиции, которая 28 декабря добралась до Колымска. «Лошади и проводники повсюду были наготове, а дороги приведены в порядок, что особенно важно на этой части пути, ведущей через цепь больших озер», — отметил исследователь. Упомянутым головой улуса был Никита Третьяков, родом из I Кангаласского наслега. На обратном пути в Якутск из Чукотки в 1870 г. Г. Л. Майдель запланировал посетить место, где нашли останки мамонта. Из Среднеколымска до Алазеи его сопровождал голова улуса. По пути они посетили местожительство последнего, урочище Талас, озёра Унарба

и Сень-Кюель. У последнего озера они встретили охотников на линяющих уток, что сильно заинтересовало исследователя. Сопровождал исследователя голова улуса Николай Винокуров, родом из III Мягтужского наслега.

Якут Яков информировал Г.Л. Майделя о местонахождении останков мамонта и нашел кусок шкуры и череп, оказывая помощь исследователю. Часть трупа мамонта была найдена на речке Алшиги-Хомос Юрях — западном притоке реки Ковшечьей, протекающей в море к западу от устья реки Алазеи. Кроме того, по информации «туземцев», в 40 верстах западнее от Ковшечьей и в 100 верстах от океана на реке Шандроне (Блудная) были найдены две ступни мамонта. Эти останки древних животных были названы позже «мамонтами Майделя». О мошках и комарах начальник экспедиции писал, что они встречаются на Крайнем Севере в таком огромном количестве, что об этом «затруднительно сообщить».

Экспедиция И.Д. Черского, организованная Академией наук, работала на Колыме в 1891–1892 гг. «И.Д. Черский выехал из Петербурга 1 февраля 1891 г. вместе с женой Маврой Павловной и двенадцатилетним сыном Александром, выполнявшим обязанности коллектора. ...Во время зимовки (в Верхнеколымске. — М.С.) И.Д. Черский успел произвести комплексное геолого-географическое описание пути от Якутска до Верхнеколымска, составил карту верхнего течения рек Индигирки и Колымы, а также Индигирско-Алданского водораздела». В результате этой экспедиции «И.Д. Черским совершено важное географическое открытие горной страны, потом названной его именем...».

О грязных, кочковатых и торфянистых летних догорах Колымы И.Д. Черский оставил такие строки

(1892 г.): «Человек, не побывавший на таких боло-тах, не может оценить силу той нравственной и фи-зической усталости, которая вызывается постоянным напряженным состоянием во время езды по таким местам. Лихорадочная торопливость овладевает и ло-шадью, ...животное мечется и бьется в самых неизящ-ных движениях... По этим топям проезжают нередко не более 10 верст в день, занимаясь одним лишь до-быванием и подыманием завязших лошадей».

Как писал краевед Прокопий Слепцов, И. Д. Чер-ский из Крепости (Верхнеколымска) специально приезжал и долго гостил в 1892 г. у якута И. Н. Бан-дерова. «Ученый сильно болел легкими и в Арылахе, живя у И.Н. Бандерова, лечился народными сред-ствами (в том числе желчью ворона). Черский был очень благодарен и признателен Илье Николаевичу. На прощанье подарил ему пистолет и теплые сапоги. И то, и другое в те далекие времена были редкостью». И. Н. Бандеров ушел в отставку от должности старос-ты наслег 1 января 1891 г. Несомненно, грамотный и хорошо знающий свой край И. Н. Бандеров давал руководителю экспедиции много ценных информа-ции о местной природе и этнографии якутов.

1 июня 1892 г. И. Д. Черский упоминает в сво-ем дневнике об одном карбасе, безвозмездно от-данном его экспедиции якутом Ильей Николаевым Бандеровым. Незадолго до этого Черский с чле-нами своей экспедиции отправился из Верхнеко-лымска вниз по реке Колыме. В Среднеколымск он прибыл 11 июня сильно больным, вследствие чего не смог выйти из лодки и добраться до квартиры. Исправник В. Т. Карзин так сообщал о месте оста-новки экспедиции в г. Среднеколымске: «Черский остался в лодке, а семейство его расположилось при нём в палатках на левом по течению берегу реки

Анкудинки, при самом впадении ее в р. Колыму в г. Ср.-Колымска. Пробыв тут двое суток, г. Черский також больным, 13 июня выехал из Ср.-Колымска вниз по р. Колыме для ее исследования...».

На этом месте следовало ныне поставить обелиск самоотверженному исследователю Севера И. Д. Черскому, а также преданным членам его экспедиции и помощникам.

Во время плавания экспедиции И. Д. Черского в 1892 г. «по Колыме от Среднеколымска до Нижнеколымска и обратно в качестве рабочих и лоцманов участвовали 18 колымчан: Филипп Прокопьев, Михаил Дьяконов, Анисим Слепцов, Иннокентий Винокуров, Иннокентий Бережное, Софрон Попов, Николай Антипин, Пётр Волков и другие».

Судя по именам и фамилиям, это были в основном верхнеколымские якуты. Поскольку во время этого плавания И. Д. Черский умер от тяжелой болезни, упомянутые лица и проводили его в последний путь.

После смерти И. Д. Черского экспедицию возглавила его вдова М. П. Черская. В 1893 г. в своем отчете она просила Академию наук ходатайствовать о награждении местных жителей, служивших в экспедиции и оказавших помощь. Среди них были якут Анисим Слепцов (лоцман?), рабочие Филипп Прокопьев и Михаил (фамилию его М. Черская забыла). Вероятно, последним был Михаил Дьяконов.

«В 1894–1896 гг. работала Якутская экспедиция, предпринятая Восточно-Сибирским отделом Русского Географического Общества (ВСОРО) на средства золотопромышленника-мецената И. М. Сибирякова». По предложению мецената, решено было охватить экспедицией Колымский, Якутский и Олёкминский округа. В Колымском округе этнографиче-

скими исследованиями занимались В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз. Данные исследователи-политссылные оставили ценные труды о народах Северо-Востока. Много якутов помогало в работе и поездке членов Сибирияковской экспедиции на Колыме. Перепись населения I Байдунского, отдельного II Байдунского, III Мятюжского, IV Мятюжского и Эгинского наслегов, проведенная В. И. Иохельсоном, не проходила без активной помощи глав семей, старост и старшин данных наслегов.

Летом 1895 г., из Олбута III Мятюжского наслега (местожительство головы. — М.С.) до Среднеколымска В. И. Иохельсона сопровождал голова улуса А. Н. Винокуров. По дороге В. И. Иохельсон исследовал большие рыбные озёра. Безусловно, в этом пригодились сведения сопровождающего головы и местных жителей. Во время путешествия В. И. Иохельсона в Верхнеколымской части одним из информаторов по некоторым вопросам был бывший староста наслега Конон Попов, живший на Качае. Старосте IV Мятюжского наслега Илье Бандерову было поручено организовать доставку карбаса и стружка из Верхнеколымска до Среднеколымска для исследователя к 5 июля 1896 г. В. И. Иохельсон — выдающийся исследователь северных народов — ныне в Якутии больше известен как исследователь юкагиров. В 1897 г. распоряжением Восточно-Сибирского отдела Географического Общества были награждены разными вещами местные жители Колымы, оказавшие помощь исследователю. Большинство из них были юкагирами. Среди награжденных был и якут Сахачан из I Байдунского наслега. Он получил ружейный замок и платок. Якутским именем Сахачан звали Петра Герасимова Кудрина (в 1897 г. ему было 26 лет) из рода Мыкыр.

В 1901 г. вышеупомянутого В. И. Иохельсона, на этот раз уже участника американской Джузеповской экспедиции, из Гижиги до Колымы сопровождали колымский купец-якут Слепцов (владелец лошадей) с тунгусом и юкагиром А. Долгановым. Вероятно, Слепцов был родом из Верхней Колымы.

На долине Берёзовки — притока реки Колымы — в 1900 г. эвен Уеганского рода Колымского округа Семён Тарабукин нашел целую тушу мамонта. Из Петербурга на Колыму выехала научная экспедиция под руководством зоолога О. Ф. Герца. «Когда раскопали мамонта, то оказалось, что его высота достигла трех метров, длина — четырех метров...» Труп березовского мамонта в мае 1902 г. благополучно доставили в Петербург. Общий вес вывезенных костей, мяса, шкуры и внутренностей достигал 2 тонн. Приезд научной экспедиции и доставка огромного трупа мамонта в Петербург не обошлись без якутов и их лошадей. Об этом свидетельствует приказ окружного управления от 14 августа 1901 г. выборному инородной управы Егору Робек и казаку Колымской команды Митрофану Котельникову: «Поручается вам немедленно выехать из г. Средне-Колымска по Якутскому тракту до границы Колымского округа и принять энергичные меры, чтобы на каждой станции было приготовлено по 25 лошадей под проезд ожидаемой ныне из Якутска сюда особой экспедиции. Вместе с ним поручается принять самые строгие меры, чтобы на переправах по тракту... были приведены в должный порядок мосты и перевозы, также чтобы были исправлены поварни. Для исполнения сего обязывается вызывать инородцев и наблюдать за ними».

Известно, что казак И. Н. Явловский выдал себя за первооткрывателя трупа мамонта и получил от Академии наук большое вознаграждение. Однако

ныне весь мир знает, что этот уникальный мамонт был найден эвеном Семёном Тарабукиным. В восстановлении справедливости последнему помог грамотный «инородец» Иван Попов. Он принял участие в написании заявления С. Тарабукиным в окружное управление от 16 апреля 1907 г., где эвен утверждал о находке мамонта им, а не Явловским. По всей вероятности, Иван Попов был из I Байдунского наслега.

Активность американцев на Севере создавала «политическую нестабильность и опасность отторжения края». Они настолько сильно повлияли на жителей Севера, что еще в конце XIX в. на побережье Ледовитого океана проживали чукчи, говорящие по-английски. По этой причине в 1902 г. английский исследователь Г. Де-Винт мог обходиться там без переводчика. России же было необходимо наладить постоянное водное сообщение от Петропавловска-на-Камчатке до Нижнеколымска. Для изучения гидрологического режима, движения льдов океана и обследования дельты Колымы была направлена экспедиция. Восточную часть ее возглавил И. П. Толмачёв. Обязанностью данной экспедиции была опись побережья Северо-Востока от Колымы до Берингова пролива.

26 марта 1909 г. староста III Мятюжского наслега Алексей Лаптев получил задание перевезти груз экспедиции И. П. Толмачёва, предназначенного до Чауны, от урочища Сылгы Ыытар до станции Омолон. До этого груз экспедиции (чай, табак, баранки, сухари и масло) до Сылгы Ыытара довели якуты III Мятюжского наслега Алексей Бурнашов, Василий Оконешников, Фёдор Слепцов, Михаил Третьяков и Иннокентий Бекренев. Дальше до Нижнеколымска перевезли груз якуты I Мятюжского наслега Митрофан Ребров и Афанасий Татаринов. Через несколько дней выборные Митрофан Слепцов, Стефан Слепцов

и староста II Кангаласского наслега Василий Слепцов получают задание «принять энергичные меры к подготовке трех пар лошадей или оленей» кроме имеющих на станциях двух пар для проезда экспедиции, следующих к Берингову проливу от Сыгына до Среднеколымска.

В конце ноября или начале декабря 1909 г. ожидалось возвращение экспедиции Толмачёва с Берингова пролива. Иностранной управе было поручено обеспечить быстрый и организованный проезд экспедиции, приготовить до 9 нарт на каждой станции от Ачичея до границы округа. Особое задание получил староста III Мятюжского наслега на счет обеспечения Сылгы Ыытарской и Крестовской станций. Подводы должны были быть наготове день и ночь, а скорость езды — 15 верст в час. Более часа задерживать экспедицию на станции не разрешалось. Правительство, губернатор, исправник и якуты — все были заинтересованы в быстром возвращении экспедиции в Петербург.

Таким образом, известные экспедиции великой империи достигали своих целей с большой помощью якутского населения Колымского округа. Местные якуты были надежными помощниками и для исследователей экспедиций краевого значения. В 1909 г. была организована экспедиция Г. Я. Седова для обследования прохода морских судов в Колыму. «В Среднеколымске Седов нанял шесть рабочих-якутов, построил два карбаса и 25 мая начал плавание по Колыме.

...За два месяца напряженной работы Седову и его спутникам удалось полностью подготовить устье реки Колымы для открытия по ней навигации». Зная бедственное положение колымских жителей, Г. Я. Седов поставил вопрос о быстрейшем открытии речного пароходства для доставки прибывших морем грузов до Средней и Верхней Колымы.